

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1950–1960-х гг.¹

К. А. КОЛКУНОВА

Статья посвящена отражению антирелигиозной кампании 1950–1960-х гг. в художественной литературе и школьных программах того времени. Этот период интересен тем, что именно в 1950-е гг. возникает научный атеизм и институциональное советское религиозоведение. Но поскольку оно еще находится в процессе становления, фактически влияние науки на атеистическую пропаганду весьма ограничено. В ходе исследования мы проверяем две гипотезы: во-первых, для более успешной атеистической пропаганды среди подрастающего поколения должны создаваться новые произведения, обслуживающие эту идеологию; во-вторых, кампания, направленная против религии, должна найти отражение в преподавании литературы в школе. Для проверки этих гипотез мы рассмотрим периодическую печать того времени и проанализируем основные мотивы и сюжетные ходы атеистических произведений, созданных в 1960-е гг.

В центре внимания данного исследования находится один из переломных моментов истории государственно-конфессиональных отношений в Советском Союзе — период так называемой хрущевской антирелигиозной кампании. Этот период часто вызывает интерес исследователей², в том числе и в аспекте развивающейся в эти годы атеистической пропаганды. Как пишет немецкий исследователь У. Хун, «в годы между смертью Сталина и окончательной победой Хрущева во внутривластной борьбе (1956) политика по отношению к церкви стала разменной картой в борьбе разных фракций внутри ЦК»³. Несмотря на убедительность этой гипотезы, обращает на себя тот факт, что первым этапом кампании,

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История отечественного религиозоведения: XX — начало XXI в.», проект №13-03-00497а.

² Вот далеко не полный список монографий, вышедших уже в начале XXI в.: *Chumachenko T.* Church and State in Soviet Russia. Russian Orthodoxy from World War II to the Krushchev Years. Armonk (NY), 2002; *Васильева О.* Государственно-церковные отношения хрущевского периода // Vittorio. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М., 2005; *Цытин В.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М., 2004; *Шабалин Н.* Русская Православная Церковь и Советское государство в середине сороковых — пятидесятые годы XX века. На материалах Кировской области. Киров, 2004; *Шкаровский М.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 2005 и др.

³ *Хун У.* Содом и Гоморра в Куйбышеве: трансформация православной легенды // Неприкосновенный запас. 2012. № 6 (86). (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/6/h8.html> (дата обращения: 09.09.2013)).

безусловно, был 1954 год, когда вышло два постановления ЦК КПСС об атеистической пропаганде: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября. Позже был выпущен ряд постановлений, среди которых «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» от 4 октября 1958 г., «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”» в ноябре 1958 г., и многие другие служебные и открытые документы. Кроме того, отчасти борьбе с религией и религиозностью должны были помочь законы против туенядцев и самогонщиков.

Атеистическая пропаганда как основная форма противодействия «религиозным пережиткам» являлась одной из важных составляющих коммунистического общества⁴. Для достижения этой цели использовались различные средства, и различные аудитории становились ее объектом. Работу по такой пропаганде вели профессионалы разных областей: лекторы, врачи (под предлогом распространения трезвости и представлений о гигиене), политработники. Важнейшей задачей считалась защита младшего поколения: атеистическое воспитание должно охватить «молодое поколение социалистического общества, с тем чтобы добиться сокращения воспроизводства религиозности среди детей, подростков и юношества, а в перспективе — полного перекрытия каналов воздействия религии на эти категории населения»⁵.

Разумеется, во всех без исключения постановлениях ЦК и любых других источниках говорится о том, что центральную роль в формировании атеистического мировоззрения должны играть научные знания. Поэтому именно учителя естественнонаучных дисциплин и истории становились во многом авангардом в стратегической борьбе за своих учеников⁶.

Но, естественно, за искусством, в особенности за художественной литературой, признавалась особая роль в формировании подрастающего поколения, основанная на воздействии, в том числе эмоциональном, оказываемом художественными текстами на читателя⁷. Подростки сталкивались с литературой прежде всего, в рамках школьной программы по литературе, а также внеклассного чтения. Это приводит нас к следующим гипотезам: во-первых, естественным образом в ходе антирелигиозной кампании возник заказ на ее литературное «обрамление». Религия и борьба с ней должны были стать одной из важных тем в литературе для подрастающего поколения. Во-вторых, учитывая обилие соз-

⁴ Черняк В. А. О преодолении религиозных пережитков. Алма-Ата, 1965; Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков. М., 1966; Елфимов В. Ф. О причинах и условиях существования религиозных пережитков в СССР. Вологда, 1971.

⁵ Коновалов Б. Н. Разработка теории атеистического воспитания в советской литературе (1967–1977 гг.) // Вопросы научного атеизма. 1978. Вып. 22. С. 254–266.

⁶ Характерно, например, содержание сборника, изданного в Воронеже: статьи об атеистическом воспитании на уроках истории, физики, астрономии, химии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии человека, физической географии (Вопросы атеистического воспитания на уроках и во внеклассной работе в средней школе. Воронеж, 1966).

⁷ Белов А. В. Художественная литература в атеистической пропаганде // Вопросы научного атеизма. 1970. Вып. 9. С. 293.

данной в 1920–1930-х гг., а также новой атеистической литературы, естественно предположить, что орудием агитаторов могли стать и школьные уроки литературы, поэтому после смерти И. Сталина и начала кампании Н. Хрущева, вероятно, в программе могли произойти изменения, отражающие новое отношение к религии.

Эти гипотезы определяют хронологические рамки нашего исследования, а также привлекаемые источники. Хронологически для анализа мы выбрали рамки 1950–1960-х гг., поскольку этот период охватывает важные исторические события (смерть Сталина, XX съезд партии), неоднократную смену ориентиров в отношении советского государства к религии и Церкви (период с 1943 по 1954 г., в 1954 г. первая волна активизации атеистической пропаганды, затишье и основную волну хрущевских гонений с 1958 г.). Вместе с тем эти десятилетия были временем оформления системы воспроизводства кадров для атеистической работы: в вузах открываются кафедры истории религии и атеизма, появляются периодические издания, как научные (сборники «Вопросы истории религии и атеизма», издававшиеся в 1950–1964 гг. сектором истории религии и атеизма Института истории АН СССР, «Вопросы научного атеизма», выходившие дважды в год с 1966 г.), так и популярные (журнал «Наука и религия», основанный в 1959 г.), а при Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1964 г. создается Институт научного атеизма.

Наш круг источников — это периодическая литература 1950–1960-х гг. («Наука и религия», «Литература в школе», «Вопросы научного атеизма»)⁸, а также художественные произведения, в первую очередь вышедшие в 1960-х гг. Кроме того, мы рассмотрим учебники по «Русской литературе» (для 8–10 классов), поставив задачу оценить, изменилось ли место религии и религиозности в репрезентации школьной программы с началом антирелигиозной кампании.

Исследование советских учебников по литературе — не самая простая задача, с одной стороны, по причине изменений в политической жизни страны и динамичного выпуска методических указаний и уточнений школьных программ, с другой стороны, из-за достаточно продолжительного процесса изменения самих текстов учебников. Е. Р. Пономарев, опубликовавший ряд работ об этом специфическом классе учебной литературы⁹, в основном занимается исследованием изменений в методике, связанных как с развитием литературоведения, так и с идеологическими переменами. Нас же интересует вопрос, транслировалась ли через учебники по литературе атеистическая пропаганда. Пономарев выделя-

⁸ Более широкий охват периодической литературы неизбежно увеличил бы объем статьи; выбранные нами источники представляются репрезентативными; в первую очередь нас интересует религиозно-атеистическая периодика, хотя, разумеется, антирелигиозные материалы публиковались во всех советских изданиях.

⁹ Пономарев Е. Р. Учебник литературы в советской школе: Идеологическая поэтика. Lambert Academic Publishing, 2012; *Он же*. Чему учит учебник? // Нева. 2010. № 1 (URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/po22.html> (дата обращения: 08. 09. 2013)); *Он же*. Советский учебник по литературе как учебный текст // Конференция: Учебный текст в советской школе. М., 2006 (URL: <http://sovietschool.org.ru/Conference/2006/Reports/Ponomarev> (дата обращения: 15. 09. 2013)); *Он же*. Литература правильная и неправильная // Нева. 2010. № 8 (URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/8/po5.html> (дата обращения: 15. 09. 2013)).

ет четыре поколения советских учебников по литературе для старших классов¹⁰, в рассматриваемые нами рамки укладываются второе поколение (1939 — середина 1950-х гг.) и третье (середина 1950-х — конец 1960-х гг.). При этом, например, учебник для 9 класса А. А. Зерчанинова, Д. Я. Райхина, В. И. Стражева в 1967 г. вышел в последний раз двадцать пятым переизданием, а учебник для 8 класса под редакцией Н. Л. Бродского, напечатанный в 1939 г., в последний раз был издан в 1953 г.

Важнейшие изменения в учебниках третьего поколения, разумеется, связаны с развенчанием культа личности Сталина. Е. Р. Пономарев защищает точку зрения, что «идеологические перемены 1956 года практически не проявились в тексте учебника (изменился лишь ряд деталей преимущественно в учебнике советской литературы, на концепцию учебника разоблачение культа личности Сталина не повлияло)¹¹, и действительно, многие изменения в учебниках подготавливались еще до смерти И. Сталина. Так, в 1952 г. вышел новый учебник С. М. Флоринского для 8 класса, предназначенный для обсуждения педагогическим сообществом в связи с общим недовольством учебником Н. Поспелова и П. Шаблювского под редакцией Н. Л. Бродского.

Рассмотрим учебники для старших и средних классов и попытаемся оценить то, как авторы говорят о религии и религиозности, и какие среди рассматриваемых текстов можно счесть антирелигиозными. В 8 классе изучается литература с X по середину XIX в. В учебнике версии 1951 г. трудно обнаружить что-то антирелигиозное (кроме, пожалуй, достаточно стандартного употребления слов «попы» и «церковники», но не в уничижительном контексте), скорее, напротив. Например, крещение Руси князем Владимиром расценивается как важный шаг в развитии страны, а жития святых называются важнейшим памятником литературы Киевского периода¹². Ученики могут прочитать о разных жанрах древнерусской литературы — житиях, патериках, ознакомиться с содержанием, например, «Жития Александра Невского» как имеющего «общерусское значение»¹³. При этом в главах, посвященных Пушкину и Радищеву, нет ни слова об их отношении к религии, главным для авторов является патриотизм писателей и их отношение к крепостному праву. В новом учебнике, вышедшем в 1952 г., жития уже отсутствуют, зато появились другие важные памятники древнерусской литературы: рассматривается жанр хождений, переписка Ивана Грозного с князем Курбским и другие, скорее светские памятники¹⁴. В более позднем переиздании учебника Флоринского по-прежнему не упоминаются православные литературные памятники, но и еще дальше заходит процесс удаления из учебника любых упоминаний религии: Нестор-летописец уже упоминается не как монах, а как «образованный человек»¹⁵.

¹⁰ См.: Пономарев. Советский учебник по литературе...

¹¹ Там же.

¹² Поспелов Н. И., Шаблювский П. В. Русская литература: Учебник для VIII класса сред. школы. М., 1951. С. 14.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Флоринский С. М. Русская литература: Учебник для VIII класса сред. школы. М., 1952.

¹⁵ Там же. 1958⁵. С. 8.

В 9 классе изучается литература XIX — начала XX в. Учебник Зерчанинова, Райхина, Стражева издавался на протяжении всего рассматриваемого нами периода, но претерпел некоторые изменения. Именно в этом классе проходят большие романы XIX в., и именно в их оценке наиболее явно говорится об отношении к религии. Так, в издании 1951 г. в главе, посвященной творчеству Л. Н. Толстого, подробно рассказывается о его конфронтации с Православной Церковью. Он, с точки зрения авторов учебника, цитирующих Ленина, стремился показать, что Церковь спаяна с государством и моралью обеспечивает государственное насилие¹⁶. Но в целом его позиция слаба: нравственное совершенствование человека и непотворение злу не может являться средством борьбы с угнетением и «самодержавно-буржуазным порядком»¹⁷. Главной же заслугой Толстого является описание крестьянского быта.

В 1960-е гг. в школьную программу возвращается изучение творчества Ф. М. Достоевского, как видно из текста учебника — в связи с огромной популярностью писателя за границей. Видимо, это вынужденное включение в программу романов Достоевского привело к удивительным их интерпретациям. Роман «Братья Карамазовы», например, характеризуется, не больше и не меньше, как «протест против жестокости и бездушия религии»¹⁸. Впрочем, творчество Л. Н. Толстого здесь тоже интерпретируется нестандартным образом: «Воскресение» — это роман о том, как Церковь ведет к нравственному развращению¹⁹.

В 10 классе изучается литература XX в., и, вполне закономерно, программа этого предмета претерпела больше всего изменений. Если в учебнике, издававшемся с 1930-х гг., еще есть раздел о символистах и сведения о сборнике «Вехи»²⁰, то после войны уже складывается «пантеон» советских авторов, и «чуждые элементы» из учебников пропадают. Так, в 1952 г. в учебнике Л. И. Тимофеева упоминается борьба М. Горького с символизмом, но ни одной фамилии, а тем паче произведения не упоминается²¹. Но нет в этих учебниках и произведений, которые можно было бы считать атеистическими (пользуясь терминологией исследователя А. В. Белова: атеистическими он называет произведения, «в которых атеистическая линия является определяющей, а атеистическая идея — главной»²²). Памятники советской литературы интерпретируются как отражение идеологической борьбы, а также отражение этапов строительства нового общества. Нет в программе, например, стихотворения В. В. Маяковского, чье творчество очень широко изучается, «Надо бороться» 1929 г. («Бога нельзя обходить молчанием, с богом пронырливым надо бороться»), не упоминается и сотрудничество поэта с Союзом воинствующих безбожников.

¹⁶ Зерчанинов А. А., Райхин Д. Я., Стражев В. И. Русская литература: Учебник для IX класса сред. школы. М., 1951. С. 367.

¹⁷ Там же. С. 370.

¹⁸ Зерчанинов А. А., Райхин Д. Я. Русская литература: Учебник для средней школы. М., 1965. С. 209.

¹⁹ Там же. С. 259.

²⁰ Поляк Л. М., Тигер Е. Б. Литература XX века: Учебник для 10 класса сред. школы. М., 1941.

²¹ Тимофеев Л. И. Советская литература. М., 1952.

²² Белов. Цит. соч. С. 294.

Но учебник нового поколения еще более сокращает число изучаемых авторов. Единственное произведение, которое можно считать атеистическим, — поэма Э. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932), в которой крест становится символом старого мира. Поэма описывает последние минуты пионерки Вали, которая тяжело болеет скарлатиной. Мать жалуется ей на домашние проблемы и оплакивает свои мечты о будущем девочки («— Я ль не собирала / Для тебя добро? / Шелковые платья, / Меха да серебро, / Я ли не копила, / Ночи не спала, / Все коров доила, / Птицу стерегла, — / Чтоб было приданое, / Крепкое, недраное, / Чтоб фата к лицу — / Как пойдешь к венцу!»). Рефреном из уст матери (очевидно, не слишком симпатичной автору) звучат слова «Не противься ж, Валенька! / Он тебя не съест, / Золоченый, маленький, / Твой крестильный крест». Сама Валя не слушает мать, в звуках грозы и всполохах молнии ей видится марш пионерского отряда. Последними ее словами будет пионерское «Всегда готова!», а ненужный крестик упадет на пол. Часть этой поэмы стала пионерской песней («Нас водила молодость в сабельный поход...»), ее учили наизусть и исполняли многие поколения школьников в СССР.

Из этого краткого обзора мы видим, что проблемы религии и религиозности, а также атеистическая пропаганда никогда не были сколько-нибудь значимой темой советских учебников по литературе. Те изменения в подаче материала, которые мы наблюдаем, в первую очередь связаны с изменением господствовавших методик²³, а не идеологии. Но все же в учебниках, созданных после начала антирелигиозной кампании, появляются отдельные элементы, используя которые, учитель может закладывать в учениках не только любовь к Родине и коммунистические идеалы, но и атеистическое мировоззрение. В период оттепели среди советских педагогов началась обширная дискуссия о литературе и ее преподавании. В этой дискуссии были затронуты разные темы: как сделать так, чтобы ученики не возненавидели классическую литературу? Как сделать так, чтобы им было интересно?²⁴ И как, наконец, раскрыть идейное содержание произведений, при этом сделав их близкими ученикам?²⁵ Эти вопросы относятся и к атеистическому воспитанию на уроках литературы, на проблему которого, наконец, обращают внимание²⁶.

В дискуссии победила позиция «эмоционального» восприятия текстов и образов. В отличие от предыдущего периода, когда ученики заучивали выверенные формулы, школьники хрущевской эпохи должны были пропускать текст через себя²⁷. Отсюда новые формы работы в классе: учитель уже не надиктовывает лекцию, но беседует с учениками, подводя их к формированию собственного мне-

²³ См.: Пономарев. Литература правильная и неправильная...

²⁴ См.: Там же.

²⁵ См.: Степанов И. С. Атеистическое воспитание в школе // Вопросы научно-атеистического воспитания в школе и семье. 1962. Вып. 1. С. 30–41.

²⁶ См.: Степанов. Цит. соч.; Поляк И. С. Об этом надо говорить // Литература в школе. 1959. № 5. С. 85–87; Белов. Цит. соч. С. 293–304; Луценко Ф. И. Атеистическое воспитание при изучении художественной литературы // Вопросы атеистического воспитания... С. 53–65; Воробьев П. Г. Атеистическое воспитание учащихся при изучении русских дореволюционных писателей // Литература в школе. 1955. № 1. С. 36–46 (редкий пример работы 1950-х гг.).

²⁷ См.: Пономарев. Литература правильная и неправильная...

ния. (Такое представление об учителе как человеке, который помогает размышлять и рассуждать, встретится нам и в художественной литературе: В. Тендряков, традиционно делающий главным положительным героем учителей²⁸, вкладывает в их уста такие слова: «Я учила Варвару Гуляеву, чтоб она умела во все вникать, обо всем самостоятельно мыслить. Я хотела, чтобы она стала человеком с широким кругозором, с сознательной верой в будущее»²⁹; «Всегда похвально, когда человек думает. Пусть ошибается, пусть заблуждается, все лучше, чем сплошное бездумье»³⁰.) У самостоятельно размышляющих над текстом учеников формируется уникальное «непосредственное восприятие» образов, с которым и следует работать учителю³¹. И. С. Поляк, делящаяся своим опытом преподавания литературы в 10 классе, призывает коллег говорить с детьми о религии и атеизме, поскольку у школьников при прочтении классической советской литературы возникает масса вопросов: как Ниловна, героиня романа Горького «Мать», перешла от религиозности к атеизму? Их волнует психология верующего. «Изучая произведения советских писателей, я стремилась заострить внимание учащихся на формировании нового мировоззрения человека, который свободен от религиозной веры», — пишет она³². При этом такое самостоятельное погружение в текст не означает свободы интерпретации. Именно под руководством учителя и при его помощи ученики могут придти, например, к выводу об антирелигиозном характере романов Ф. М. Достоевского.

В том, что касается религии, в помощь учителям для формирования правильного «непосредственного восприятия» предлагался широкий круг источников. Поскольку «русская литература — самая атеистическая литература мира»³³, особых трудностей с поиском материала быть не должно. Выходят подборки биографий писателей, от М. В. Ломоносова до Л. Толстого, иллюстрирующие их личное отношение к религии (атеистическое или, в случае Л. Толстого, антиклерикальное, но все равно подлежащее критике)³⁴. Разбираются те произведения и моменты в них, которые наиболее ярко иллюстрируют атеизм писателей и поэтов: у Пушкина, например, это «Гавририада»³⁵. Все это должно продемонстрировать ученикам, что «одной из славных традиций русской литературы была борьба с религиозными суевериями и предрассудками»³⁶. Впрочем, Г. Рыклин, которому принадлежит последняя цитата, считал, что в современной ему художественной литературе вопросы атеизма ставились не в достаточной мере. Но в 1959 г. он пишет, что ситуация радикально изменилась в следующем десятилетии.

²⁸ Сам писатель после войны работал школьным учителем в Кировской области, преподавал военное дело.

²⁹ Тендряков В. Ф. Чудотворная. М., 1958.

³⁰ Тендряков В. Ф. Чрезвычайное. Повесть. М., 1961.

³¹ Пономарев. Литература правильная и неправильная...

³² Поляк. Цит. соч. С. 87.

³³ Луценко. Цит. соч. С. 54.

³⁴ Воробьев. Цит. соч. С. 36–46.

³⁵ Луценко. Цит. соч. С. 55.

³⁶ Рыклин Г. К вопросу об анафеме // Наука и религия. 1959. № 1. С. 59.

Уже в 1966 г. Ф. И. Луценко отмечает успешность атеистической пропаганды, ведомой советскими писателями в художественной литературе. Он отмечает психологизм, с помощью которого «писатели стремятся показать психологические и бытовые причины ухода людей в наше время в сторону религиозных исканий»³⁷. В 1970 г. некоторый итог подводит А. В. Белов, который очерчивает круг наиболее удачных атеистических произведений. Он сетует, что читатель зачастую остается равнодушен, особенно дети и подростки³⁸.

Насколько оправданна эта критика, мы не знаем. Но существует достаточно широкий круг текстов, созданных на волне антирелигиозной кампании времен Хрущева и вышедших в основном в 1960-е гг. Малые формы — рассказы, новеллы — публикуются в периодической печати (приведенные далее примеры взяты из журнала «Наука и религия», который, что характерно для публицистики, тяготел к документальности текстов), повести же выходят в толстых журналах или отдельным изданием.

Особняком в ряду этих книг стоит творчество Феликса Кривина. Весьма характерен его сборник «Божественные истории» (1965), в котором описывается взгляд на самые разные сюжеты из мифологий, Священного Писания, исторические события (например, Варфоломеевскую ночь), как это формулируется в аннотации «глазами неверующего человека»³⁹. Это произведение занимает промежуточную позицию между публицистикой и художественной литературой. Автор подвергает «сатирическому разоблачению религиозные домыслы». С одной стороны, такое высмеивание больше похоже на творчество безбожников 1920–1930-х гг., однако здесь важно то, что Перун, Афродита, Ной оказываются помещены в некоторое единое пространство, и ведут они себя как обычные люди. Ева возмущается: «Я так и знала, что ты третишь свои ребра на женщин», а питекантропы внушают себе: «В наших жилах течет древняя кровь, это ложь, что мы происходим от обезьяны». Многие в этой книге напоминают спектакль Сергея Образцова «Божественная комедия» по пьесе Исидора Штока, который появился в 1961 г. Но книга Ф. Кривина скорее ориентирована на взрослого читателя.

Обратимся теперь к более типичным представителям атеистической литературы⁴⁰. Что отличает данные произведения? Пересказывать их довольно скучно, фабула весьма однообразна. Далее мы на примерах увидим, что все авторы оперируют очень схожим набором штампов, которые можно считать основным элементом атеистической пропаганды, как скрытой, так и эксплицитной.

Часто они написаны от первого лица, которое является носителем советской идеологии, партийным работником, следователем, столкнувшимся с религиозной общиной, либо рассказчик — носитель религиозного мировоззрения, раскаявшийся или сомневающийся, иногда представший перед судом.

³⁷ Луценко. Цит. соч. С. 61.

³⁸ Белов. Цит. соч. С. 294, 301.

³⁹ Кривин Ф. Божественные истории. М., 1965.

⁴⁰ При выборе произведений для анализа мы ориентировались на представление тех авторов, которые считались своими современниками наиболее успешными в деле атеистической пропаганды (см.: Белов. Цит. соч.; Луценко. Цит. соч.).

Религиозная община (речь всегда идет о группе людей; в хрущевскую эпоху верующий, религиозный человек немислим вне общины себе подобных) представляет средоточие разнообразных пороков, пристанище людей сомнительного происхождения и уж точно опасных для общества. Но среди них всегда попадаются сомневающиеся, которые в финале освобождаются, от дурмана, паутины, оков и счастливо воссоединяются с обществом, которое обычно олицетворяет колхоз.

Кто эти опасные религиозные граждане? Свидетели Иеговы⁴¹, иннокентьевцы⁴² (разновидность ИПЦ), пятидесятники⁴³, истинно-православные⁴⁴, старообрядцы⁴⁵, скрытники-странники⁴⁶ (еще одна разновидность ИПЦ). Причем, если речь идет о православии, герои обычно находятся в оппозиции к официальной иерархии (бабушка в «Чудотворной», учитель математики в «Чрезвычайном»). По большому счету, авторы не считали нужным критиковать официальную зарегистрированную организацию, их интересовали антисоциальные элементы, которые как раз и преследуются, согласно законам СССР, за отсутствие регистрации, пропаганду религиозных воззрений, а также вовлечение детей в религиозные организации.

Все эти религиозные организации хорошо известны и широко представлены в различных, удаленных от столицы частях СССР. Их члены неоднократно бывали судимы, что находит свое отражение в произведениях⁴⁷. Часто описываются пятидесятники и истинно-православные, видимо, как наиболее харизматичные и закрытые религиозные группы. Об этом же пишет исследователь А. В. Белов: большинство атеистических произведений «повествует о деятельности пятидесятников, свидетелей Иеговы, истинно-православных христиан. А произведений, например, о баптистах или адвентистах седьмого дня очень мало»⁴⁸, хотя они не менее опасны, но их описание не столь эффективно⁴⁹.

В конце 1950-х гг. активно проводятся полевые исследования религиозности⁵⁰, и их результаты, вероятно, известны авторам атеистической литературы.

⁴¹ См.: *Варавка В., Прохоров В.* Иегова в Волчанске. Фельетон. // Наука и религия. 1959. № 1. С. 53–56.

⁴² См.: Михаил Архангел из села Тодорешты // Наука и религия. 1959. № 2. С. 49–51.

⁴³ См.: *Шапошникова В.* Вырвалась // Наука и религия. 1959. № 1. С. 45–53; *Евдокимов Н. С.* Грешница. М., 1961.

⁴⁴ См.: *Тендряков.* Чрезвычайное...; *Он же.* Чудотворная...

⁴⁵ См.: *Макаров А.* Паутина. М., 1963; *Померанцев В. М.* Оборотень. М., 1963 // URL: http://www.imwerden.info/belousenko/wr_Pomerantsev.htm (дата обращения: 03.09.2013).

⁴⁶ См.: *Макаров.* Цит. соч.

⁴⁷ Например: *Макаров.* Цит. соч; Михаил Архангел из села Тодорешты; *Крушинский С.* Глухой стон на краю села Глазатова // Наука и религия. 1959. № 1. С. 56–58.

⁴⁸ *Белов.* Цит. соч. С. 296.

⁴⁹ Баптистов очень активно исследовали социологи и историки религии: Баптизм и баптисты. Минск, 1969; *Филимонов Э. Г.* Баптизм и гуманизм. М., 1968; *Шердаков В. Н.* Евангельская нравственность и гуманизм. Л., 1967; *Клибанов А. И., Митрохин Л. Н.* Кризисные явления в современном баптизме. М., 1967.

⁵⁰ *Клибанов А. И.* Современное сектантство в Тамбовской области: По материалам экспедиции Ин-та истории АН СССР в 1959 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. Сб. 8. С. 59–100; Современное сектантство и его преодоление: По материалам экспедиции в Тамбов. обл. в 1959 г. / А. И. Клибанов, ред. М., 1961; *Клибанов А. И.* Современное сектантство в

Во всяком случае многие мотивы и черты религиозности, отмеченные исследователями, встречаются и в литературных произведениях. Так, описание быта истинно-православных христиан Тамбовской области⁵¹ практически совпадает с жизнью «скрытников» из повести А. П. Макарова «Паутина»: и мнимые пророчицы, и подпольные монастыри, и распространение антисоветских писем в колхозах, верховное положение в общине женщин, личные обиды на советскую власть и многое другое.

Характерной особенностью этих литературных произведений оказывается пристальное внимание к психологической составляющей религии, тот самый психологизм, который так хвалили исследователи. Именно психологическое описание сомнений и противоречий, практически раздирающих еще не зачерстневших «сектантов», вероятно, считается авторами главным действенным средством по наставлению своих читателей на путь истинный⁵².

В отличие от предыдущей антирелигиозной кампании, здесь человек религиозный вполне может быть симпатичным и даже вызывать симпатию читателя. Подобно тому, как ученики пристально следят за изменением мировоззрения Ниловны, читатель, например, повести Тендрякова «Чрезвычайное», сопереживает старшекласснице Тосе, ждет ее перерождения, возвращения из религиозного круга обратно в школу.

Что характерно для «пострадавших»? Чаще всего это женщины, молодые (от старшеклассниц до молодых матерей), которые по ряду семейных причин, неурядиц или под влиянием старшего поколения сделали неправильный выбор в жизни и столкнулись с далеко не симпатичными персонажами. Безусловно, одной из центральных тем является описание тех пороков, которые свойственны религиозным людям в описании этих атеистических повестей.

Среди них часто встречается жадность, стремление к накопительству, в том числе незаконным путем: Минодора, содержательница тайных келий для сектантов-странников, кормила их продуктами, украденными ею, кладовщицей, с колхозного склада. Путь этот она выбрала вполне сознательно: «Видя,

Липецкой области: По материалам экспедиций Ин-та истории АН СССР в 1960 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. Сб. 10. С. 157–185; *Он же*. 50 лет научного исследования религиозного сектантства // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 4. С. 349–394.

⁵¹ Современное сектантство и его преодоление... С. 144–180.

⁵² Психология религии являлась одним из динамично развивающихся направлений исследований в советский период, и содержание работ показывает тесную связь с идеями, озвученными писателями, однако необходимо отметить, что монографии и сборники статей, посвященных психологическим особенностям религиозности, были опубликованы позже: во второй половине 1960-х — в 1970-х гг.: *Андрианов Н. П.* Эволюция религиозного сознания. Л., 1974; *Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В.* Особенности современного религиозного сознания. М., 1966; *Борунков Ю. Ф.* Структура религиозного сознания. М., 1971; *Букин Б. Р.* Психология верующих и атеистическое воспитание. М., 1969; *Критика религиозной психологии и формирование атеистического мировоззрения.* К., 1973; *Павлюк В. В.* Психология современных верующих и атеистическое воспитание. Львов, 1976; *Платонов К. К.* Психология религии. М., 1967; *Попова М. А.* О психологии религии. М., 1969; *Соболев С. С.* Психология атеистического воспитания. М., 1972; *Угринович Л. М.* Психология религии. М., 1986; Вопросы научного атеизма. 1971. Вып. 11; *Дудуман Е. К., Лобовик Б. А., Танчер В. К.* Современный верующий. М., 1970.

что Советская власть не благоволит ни к торговцам, ни к кулакам, и понимая, что для этого сорта людей песенка спета, Минодора решила пойти по стопам своего отца <то есть стать хозяйкой странноприимного дома>⁵³; в другом произведении после «явления ангела» (появление белого голубя на кресте храма) моментально появляются люди, торгующие крестиками⁵⁴, а «пророчица» Платонида из повести «Грешница» зарабатывает спекуляцией на рынке. Главы общин процветают за счет других: пастор пятидесятников отстроил себе дом на пожертвования⁵⁵, а странники и вовсе заставляют новообращенных подписывать дарственную: «Как в тумане, Анна видела перед собой какой-то список. “Изба на два окошка... сенцы из досок... погребушка... три курицы с петухом... другая худоба... дарую...”»⁵⁶, даже пуховую шаль у Анны отобрали сестры по вере.

Быт странников в описании А. Макарова полон разнообразных изуверств: они бросают младенцев в проруби, практикуют физические наказания, причем Минодора отличается этим с детства: «...еще школьницей Минодорочка заставила старуху-нищенку съесть пирожок с крошеным мылом, а нищему-слепцу облила керосином кудлатую бороду и подпалила ее лучинкой. Каждый раз в подобных случаях шалунья получала от отца серебряный полтинник за выдумку и смелость»⁵⁷. Такие формы жестокости еще свойственны пресвитеру странников Гурию (он мечтает взорвать плотину, чтобы разрушить мельницу и уничтожить колхозное стадо: «Гурий ухмылялся, представляя, как в неудержимо хлынувшей воде несутся обломки щитов водоспуска, сливных желобов, жерди пастбищной изгороди, сорванные с притычин верши, бревна и доски мостов, мостиков и переходов, сплошной серо-зеленой массой плывет сено, а в месиве этого хаоса, барахтаясь, вопят гибнущие дети и орет подхваченный с пастбища скот»⁵⁸). Этот же персонаж распространяет письма, одно из которых описывается так: «...послание дышало лютой ненавистью ко всему советскому, а Гитлер объявлялся посланцем неба; “пророк” предсказывал победу фашистам и призывал народ к неповиновению большевикам»⁵⁹. С фашистами сотрудничали и иеговисты из фельетона «Иегова в Волчанске»⁶⁰. Все это призвано показать, что наказываются эти люди не за свою религиозность, а на вполне определенных основаниях, закрепленных в Уголовном кодексе. Бородин, которому посвящен рассказ «Глухой стон на краю села Глазатова»⁶¹, был приговорен к расстрелу за убийство своего сына, которое он, исходя из своих религиозных представлений, считал искупительным жертвоприношением. Это должно создать у читателей впечатление тесной связи противоправной деятельности с религиозностью, причем религиоз-

⁵³ Макаров. Цит. соч.

⁵⁴ См.: Кулик А. Белый голубь // Наука и религия. 1959. № 1. С. 55–59.

⁵⁵ См.: Евдокимов. Цит. соч.

⁵⁶ Макаров. Цит. соч.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Варавка, Прохоров. Цит. соч. С. 53.

⁶¹ Крушинский. Цит. соч. С. 56–58.

ность чаще оказывается не мотивом, а симптомом общего социального и духовного «нездоровья».

Кроме уголовно наказуемых дел, религиозных персонажей атеистической литературы могут отличать моральные недостатки, в частности, они лгут своим последователям. Так, лидер иннокентьевцев после ареста признается: «Верующим говорил, что водку пить, мясо есть — грех, а себе ни в чем не отказывал»⁶². А проповедники-иеговисты отвечают своей прихожанке, которая, готовясь к предсказанному ими концу света, продала все имущество: «...по не зависящим от нашего журнала “Башня стражи” обстоятельствам срок великой битвы перенесен. Новую дату журнал сообщит позднее. Жди и мужайся»⁶³. Все эти аморальные поступки вызывают у читателя отторжение и недоверие к верующим. Актуальная еще с эпохи Просвещения проблема связи религии и морали нашла отражение и в рамках научного атеизма⁶⁴.

Но, кроме описания недостатков и проступков религиозных деятелей, нередко в атеистической литературе встречаются и другие, более психологические портреты как религиозных лидеров, так и рядовых членов религиозных групп. Обычно эти описания выражают впечатление других персонажей — внешних наблюдателей. Главная героиня рассказа «Вырвалась» описывает пятидесятников после моления: «Глаза стеклянные, страшные, и сами вялые, будто избитые, руку у кого поднимешь — падает»⁶⁵. Она как медсестра считает это симптомом болезни. Есть среди верующих инвалиды: «Часто, напившись пьяным, Киндя, сидя на култышках посреди загарьевского базара, рвал на груди рубаху, тряс кулаками, кричал: — Для меня ныне законов нету! Могу украсть, могу ограбить — не засадят. Я человек неполноценный! Раздолье мне! Эй, вы! Кого убить? Кому пустить кровушку?»⁶⁶. Есть тунеядцы: «...потасканное, нездоровое лицо алкоголика, пыльные волосы, рубаха с расстегнутым на костлявой груди воротом. Один из тех — вечный полумужчина, полуноноша, полуинтеллигент, полулюмпен, без твердого места, без определенной профессии, завсегда районной чайной и дежурного магазина, где он обычно хватал за рукав шоферов и, колотя кулаками в костлявую грудь, читал им стихи Есенина»⁶⁷. Встречаются и психологически травмированные люди: «...исковерканный с раннего детства, он после пережитых несчастий стал обитать среди выдуманного»⁶⁸.

Есть среди верующих и люди, сохранившие какие-то отдельные «человеческие» черты: «Неонила засмотрелась на лес; она до самозабвения любила природу, и в очерстневшей душе старой скрытницы осталось живым едва ли не одно лишь это чувство»⁶⁹. Впрочем, сестра Неонила откроет в себе и другие человеческие чувства, например, откажется держать приговоренную к физическому на-

⁶² Михаил Архангел из села Тодорешты... С. 49.

⁶³ *Варавка, Прохоров*. Цит. соч. С. 55.

⁶⁴ См.: *Анисимов С. Ф.* Ценности реальные и мнимые. М., 1970; *Атеизм, религия, нравственность*. М., 1972; *Нравственность и религия*. М., 1964.

⁶⁵ *Шапошникова*. Цит. соч. С. 45.

⁶⁶ *Тендряков*. Чудотворная...

⁶⁷ *Он же*. Чрезвычайное...

⁶⁸ *Померанцев*. Цит. соч.

⁶⁹ *Макаров*. Цит. соч.

казанию сестру Капитолину. Но все равно религиозный человек отличается от общества: «Преодо мной сейчас сидел отшельник нового типа. Не старец с патриаршей бородой, не истощен постами и молитвами, носит не тряпье, не вериги, а приличные костюмы, сорочки, галстуки, ходит в кино, встречается каждый день с людьми, а все-таки в стороне от них, все-таки отшельник»⁷⁰. Речь идет об учителе математики, который каждый день ходит на работу, общается с коллегами, но, несмотря на это, после 10 лет совместной работы в школе коллектив узнает, что он верующий. Впрочем, иногда даже религиозные лидеры производят впечатление вполне обыкновенных, пусть и не очень симпатичных, людей. Так учительница из повести «Чудотворная» описывает священника, отца Дмитрия: «...старичок с дедовски мутноватыми глазами, сочными губами, любящий, верно, мягкую постель, хороший стол, приличный разговор»⁷¹. Мутный, черствый, нездоровый — вот типичные эпитеты, используемые для описания религиозных людей.

Примерно в таких же красках рисуется быт религиозной общины: Ксения, главная героиня повести «Грешница», оказавшись заперта в собственном доме, наблюдает за однообразием и тоской, ее окружающей: «Скучно, горько, страшно жить»⁷². В «Чрезвычайном» директор школы после прихода в дом Тоси, ищущей в религии утешения и доброты, представляет себе ее жизнь с родителями: «...из дня в день, из месяца в месяц, из года в год мозолит глаза ничего не выражающая серенькая картинка и фарфоровый пастушок, слышится шлепанье туфель матери, назойливо мелькает ее нездоровое унылое лицо, а при этом чувствуешь себя молодой, изнемогаешь от распирающих грудь желаний... С отцом у нее тоже, видать, не много общего. Одинока дома, одинока в школе»⁷³. Это одиночество и тоска и приводят ее к религии. Тетя Сима, необразованная религиозная женщина, оказывается единственной, с кем Тосе комфортно и легко. Она дает племяннице ощущение общности, единства.

Но среди персонажей встречаются и те, кто верующим себя не считает, однако придерживается норм группы и соблюдает обряды ради сохранения целостности общины. Характерные примеры: Алексей из рассказа «Вырвалась», которого держит среди пятидесятников только страх перед властной матерью, и Марья из повести «Оборотень», которую автор описывает так: «...бойкая, охочая до разговора, еще не старая женщина, исполнявшая обряды лишь по нужде и не скрывавшая, что они чужды ее сердцу»⁷⁴. Она в молодости уже уходила из старообрядческой деревни, но там жизнь не сложилась, и, поскольку однажды община уже ее простила и приняла обратно, второй раз нарушить правила она не могла. Такие персонажи должны продемонстрировать, насколько важны социальные корни религии⁷⁵.

⁷⁰ Тендряков. Чрезвычайное...

⁷¹ Он же. Чудотворная...

⁷² Евдокимов. Цит. соч.

⁷³ Тендряков. Чрезвычайное...

⁷⁴ Померанцев. Цит. соч.

⁷⁵ Безусловно, становление научного атеизма в 1950–1960-е гг. привело в том числе к бурному развитию социологических исследований, как теоретических, так и прикладных, природы и характера распространения религии. Но, как и в случае с психологией религии,

Вопрос происхождения религиозности вообще рассматривается очень подробно, в форме как личных историй, так и психологических наблюдений. Чаще всего истории достаточно схожи: в религиозной семье растет вполне нормальный гражданин советского общества (Ксения, из семьи пятидесятников, очень любит школу⁷⁶, Евгений Иванович Морщихин, будущий учитель математики, вопреки воле своей верующей матери в молодости вообще был воинствующим безбожником: «Я лазил на колокольню сбрасывать колокола, я митинговал перед лыковскими жителями, что-де эти колокола нам нужны для тракторов, что у страны не хватает металла»⁷⁷). Но в критической ситуации (болезнь матери Ксении и уход матери Морщихина в паломничество, чтобы замаливать грехи сына) их мировоззрение меняется. Молитвы Ксении, по мнению ее и всей семьи, спасли матери жизнь, а Евгений Игоревич, почувствовав необъяснимым образом «боль и душевную катастрофу» матери, как математик попробовал заменить аксиому и принять существование Бога как возможное. Так сформировалось их новое мировоззрение, основанное на эмоциях и влиянии родственников.

Примерно так же выглядит путь к вере Анны, правда, она росла религиозной девушкой, в семье старобрядцев, но под влиянием семейных неурядиц (неудачный брак вопреки воле родителей, пьющий муж) Анна «вовсе замкнулась в своей комнатухе с хомутами и уздечками, стыдясь показаться на глаза даже заказчикам»⁷⁸.

Еще один важный мотив — объяснение авторами атеистических произведений роста популярности религии в военные и послевоенные годы. Разумеется, никакие исторические факты, например смягчение позиции властей по отношению к Церкви, не упоминаются. Война — время лишений, когда слабые и потерянные люди искали утешения где угодно: «И невольно вспомнился полузабытый бог, невольно подгибались колени перед засиженными иконами. “Спаси, господи, люди твоя!” Спаси тех, кто живет в смятении и страхе! Помогите пережить тяжкое время!»⁷⁹. Но даже в такое тяжелое для всех время религиозные люди представлены нечистыми на руку (вспомним жадность — один из главных пороков верующих, в изображении советских писателей): «Ветхозаветный попик, вынырнувший невесть откуда, молил о ниспослании победы доблестному русскому воинству над злодеями-захватчиками, собирал деньги на танковые колонны»⁸⁰.

обобщающие труды были опубликованы уже после появления рассматриваемых нами повестей и рассказов: Конкретно-социологические изучения состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М., 1969; Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967; *Левада Ю. А.* Социальная природа религии. М., 1965; *Плечев Г. Н.* Социальная основа преодоления религиозности. Чебоксары, 1972; *Сухов А. Д.* Религия как общественный феномен. М., 1973; *Уринович Д. М.* Введение в теоретическое религиоведение. М., 1973; *Яблоков И. Н.* Методологические проблемы социологии религии. М., 1972; *Он же.* Социология религии. М., 1979.

⁷⁶ *Евдокимов.* Цит. соч.

⁷⁷ *Тендряков.* Чрезвычайное...

⁷⁸ *Макаров.* Цит. соч.

⁷⁹ *Тендряков.* Чрезвычайное...

⁸⁰ Там же.

Еще один часто встречающийся мотив — часть вины за попадание «в сети» возлагается на пострадавшего от религии. Родька из «Чудотворной» винит себя за шумиху, поднявшуюся вокруг иконы. Анна, одна из главных героинь повести «Паутина», уже после ареста державших ее в плену «скрытников» признается колхозным женщинам: «Я, чуешь ли, бабоньки, тоже виноватых искала: кто затолкнул меня в секту?.. Оказалось, сама. Вон Капа стоит — товарищ Устюгова, тоже кое-кого виноватила, а виновата опять же сама. Я от дурасти, она от трусости»⁸¹. Такие самонаблюдения помогают еще раз осознать психологические корни религиозных взглядов; религия — результат слабости человека. Еще более в духе Маркса или даже Фейербаха о религии говорит героиня рассказа «Вырвалась»: «...что сама себе создала, самой и распутывать нужно»⁸².

С другой стороны, положительные персонажи повестей и рассказов тоже часто размышляют о наличии и вины в обществе в сложившихся ситуациях. Елизавета Юркова, образцовая жена и превосходная колхозница, задумывается: «А, собственно, одна ли милиция повинна в том, что столько лет висела здесь эта черная паутина?.. Разве узарцы не догадывались, не знали?.. Да еще наша староверская заповедь: знай сверчок свой шесток. А кто в Узаре не старовер?!»⁸³. Случайная попутчица, выслушав историю пятидесятницы, тоже задается вопросом: «Как же, откуда оно взялось, то изуверство, на чем оно держится, почему окружающие не помогли? Видели. Знали и сторонились»⁸⁴. Этот образ — сторонящиеся, знающие свой шесток, чуть-чуть равнодушные к бедам ближнего, но при этом такие правильные, такие «советские» граждане — окажется еще одной значимой темой атеистических произведений 60-х гг.

В антирелигиозных повестях встречаются два типа финала: чаще — достаточно банальная история вызволения из заточения, бегства, встречи с колхозом, «выход в люди»: реже — финал драматический. В мягкой форме мы встречаем его в повести Тендрякова «Чрезвычайное», когда главная героиня, Тося, конечно, перестает ходить в Церковь, но превращается в посредственность, а это как раз то, чего хотел избежать директор школы Анатолий Матвеевич. В полной мере драматический финал мы видим в повести «Грешница», в которой главная героиня, сбегав от своей угнетающе-религиозной семьи к любимому колхознику, понимает, что встретиться с ним и его прекрасной матерью для нее невозможно и стыдно, бросается в омут прямо рядом с их домом. Психологическое напряжение последних страниц повести не оставляет читателям возможности осудить ее за этот шаг, но еще больше подчеркивает безысходность и пагубность религиозного мировоззрения.

Отдельно следует отметить, что в повестях Тендрякова встречается критика атеистической пропаганды, причем и в тех формах, которые были распространены в 1920–1930-е гг., и в новых, приобретших популярность уже после войны. Его точку зрения разделяют и некоторые педагоги того времени, о нем пишут: «...писатель остро критикует недостатки в воспитании советских людей. Безду-

⁸¹ Макаров. Цит. соч.

⁸² Шапошникова. Цит. соч. С. 51.

⁸³ Макаров. Цит. соч.

⁸⁴ Шапошникова. Цит. соч. С. 53.

шие, формализм, прямолинейность в вопросах идейного влияния на человека приводят к уродливым явлениям жизни»⁸⁵.

Даже широко распространенная в 1950-е гг. практика публичных лекций об атеизме достаточно жестко оценивается писателем: «В нашем городе вся антирелигиозная пропаганда сводится к одному — раз или два раза в месяц выдавать нагора лекцию вроде “Было ли начало и будет ли конец мира?”»⁸⁶ и оценивается как недостаточная. В этих лекциях не хватает человеческого тепла и индивидуальной работы с верующими или сомневающимися людьми. Религиозная же пропаганда, хоть и является незаконной, более человечна, это признают выражающие авторскую позицию директор школы и учительница Прасковья Петровна: «Верующие тетушки типа Серафимы Колышкиной действуют другим способом. Они не читают лекций, не выступают с докладами, просто находят человека с житейскими неувязками, душевными сомнениями, сочувствуют ему, влезают в душу, интересуются его болями, его сомнениями. Своего рода индивидуальный подход. Может, нам перенять метод Серафимы Колышкиной?»⁸⁷ Прямолинейность борцов с религией настораживает директора школы Анатолия Матвеевича, который выступает против зажимания религии в культурное гетто: «Мы собираемся воспитывать не фрондирующих атеистов, умеющих лишь бездумно охаивать религию, нам нужны атеисты вдумчивые, тактичные, способные убеждать верующих, не оскорбляя их религиозных чувств»⁸⁸. С одной стороны, это вполне отвечает утвержденной в конституции СССР свободе вероисповедания, а с другой — такое отношение должно показать верующим, что не только от «тети Симы» можно получить поддержку, доброе слово, участие. Изменение мировоззрения — процесс долгий и трудный, и герои Тендрякова понимают, что запретами и упреками здесь не обойтись. Заведующий отделом пропаганды и агитации Кучин в повести «Чудотворная» противостоит Прасковье Петровне, призывающей к принятию немедленных мер по отношению к священнику и семье Роди. Он говорит: «Старые приемчики борьбы — схватить попа за бороду да вытряхнуть его из храма — давным-давно осуждены как вредные. Теперь мы идем в наступление на религию не лобовой атакой, а медленным, постепенным натиском»⁸⁹. Для этого постепенного натиска необходимо в первую очередь наладить быт: «Сначала кусок мяса в шах, добротная одежда к зиме, затем радиоприемник, электричество, книги, кинокартины. Вот наши доказательства, и против них не устоит господь бог»⁹⁰. Однако и этот профессиональный пропагандист занимает позицию, чуждую писателю. Из-за такого приземленного понимания религии и получается, что понимание и доброту слабые люди ищут в Церкви или у сектантов.

Связана с рассматриваемой тема бессмертия души, которая неизбежно возникает при дискуссиях с верующими людьми как в реальной советской школе,

⁸⁵ Луценко. Цит. соч. С. 62.

⁸⁶ Тендряков. Чрезвычайное...

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Тендряков. Чудотворная...

⁹⁰ Там же.

так и в художественных произведениях. В 1960-е гг. для школьников предлагалась точка зрения, что коммунистическая идеология не противоречит идее бессмертия, но в отличие от религии понимает такое бессмертие не как бесконечность личного существования «души», а как вклад в развитие общества: «Одно может быть бессмертие у человека — это память о нем в делах и сознании благодарных потомков. Это подлинное бессмертие, и, чтобы заслужить его, нужно не умерщвлять себя, как советовали церковные аскеты, а жить и работать для своего народа»⁹¹. Это цитата из методических рекомендаций учителям литературы по атеистическому воспитанию учеников. Примерно о том же говорит директор школы, Анатолий Матвеевич, своей ученице в повести «Чрезвычайное»: «Боишься исчезнуть совсем? Так я скажу тебе: да, существуют бессмертные человеческие души или почти бессмертные... Удивлена, что это говорю я, не верящий ни в бога, ни в черта, ни в переселение безгрешных душ в райские кущи. А вот сколько раз ты слышала стихотворение “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”? Помнишь: “Мне грустно и легко, печаль моя светла...”? Минутное состояние души, и оно нас с тобой волнует, шевелит мою и твою душу. “...Печаль моя светла...” Кости Пушкина давно истлели, а это живет. Душа живет, внутренний мир! Умрем мы, будет жить и после нас»⁹². Это еще одна иллюстрация того, как Тендряков в своих повестях проводит идеи, разделяемые педагогами-методистами и транслируемые ими в школе.

Проведя краткий обзор основных мотивов художественных произведений 1960-х гг., посвященных религии, а также места религии в школьной программе по литературе, мы можем проверить наши гипотезы. Первая касалась появления атеистической литературы в ответ на государственный «заказ». Мы видим, что, действительно, в ходе антирелигиозной кампании возникает запрос на литературу, в особенности для школьников, но появляется она не сразу, в основном в середине 1960-х гг., когда кампания идет уже 10 лет. Вероятно, это связано с творческим процессом и, возможно, с техническими трудностями. Так, А. В. Белов пишет о нежелании издательств связываться с атеистической художественной литературой⁹³. Впрочем, это свидетельство уже 1970 г., когда активная антирелигиозная кампания сошла на нет.

Вторая наша гипотеза касается школьных программ по литературе, которые должны отразить изменения по отношению к религии. Эта гипотеза оправдалась в незначительной степени; в большинстве случаев изменения в программе связаны не с антирелигиозной кампанией (или развенчанием культа личности), но с изменениями методики, зарубежной популярностью русских писателей (Ф. М. Достоевского в первую очередь) и естественным приростом «пантеона» советских писателей (например, Э. Багрицкого), творчество которых постепенно проникает в программу литературы XX в.

В целом, поиск в советской художественной литературе и школьных учебниках следов государственной антирелигиозной кампании показывает, насколько важнее здесь оказывался личный фактор, чем государственный заказ. Во многом

⁹¹ Воробьев. Цит. соч. С. 46.

⁹² Тендряков. Чрезвычайное...

⁹³ Белов. Цит. соч. С. 296.

инициативой учителя было включение в школьные уроки литературы разговора о религии — программа эту тему не ограничивает, но и не поощряет. Художественная литература также является не только и не столько результатом «заказа», сколько попыткой отразить личный опыт и реальные события. Так, наиболее успешный автор, В. Ф. Тендряков, безусловно, использует свой опыт как учителя при написании своих антирелигиозных повестей. На личном примере школьников преподносится урок, в данном случае, о преимуществе научного атеистического мировоззрения.

Ключевые слова: научный атеизм, атеистическая пропаганда, литература и религия, гонения на религию, советская школа и религия, советская художественная литература.

ATHEISTIC PROPAGANDA IN FICTION IN 1950—1960s

K. KOLKUNOVA
(St Tikhon's University)

The paper deals with antireligious campaign of 1950-1960s as reflected in fiction and school literature curriculum. This period is interesting because it was exactly the time when scientific atheism and Soviet study of religion came to existence. But as long as it was growing, in fact it had very little impact on propaganda yet. In our research we are to prove two hypotheses: first, to succeed among young generation, atheistic propaganda was to be supported by new fiction serving ideas of atheism. Second, campaign aimed against religion must have been reflected in school teaching. To prove these theses we will go through the press and analyze main motives and subjects of atheistic novels created in 1960s.

Keywords: scientific atheism, atheistic propaganda, literature and religion, antireligious persecution, soviet school and religion, soviet literature.

Список литературы

1. Андрианов Н. П. Эволюция религиозного сознания. Л., 1974.
2. Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В. Особенности современного религиозного сознания. М., 1966.
3. Анисимов С. Ф. Ценности реальные и мнимые. М., 1970.
4. Атеизм, религия, нравственность. М., 1972.
5. Баптизм и баптисты. Минск, 1969.
6. Белов А. В. Художественная литература и атеистической пропаганде // Вопросы научного атеизма. 1970. Вып. 9. С. 293.

7. *Борунков Ю. Ф.* Структура религиозного сознания. М., 1971.
8. *Букин Б. Р.* Психология верующих и атеистическое воспитание. М., 1969.
9. *Варавка В., Прохоров В.* Иегова в Волчанске. Фельетон. // Наука и религия. 1959. № 1. С. 53–56.
10. *Васильева О.* Государственно-церковные отношения хрущевского периода // Vittorio. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М., 2005.
11. Вопросы атеистического воспитания на уроках и во внеклассной работе в средней школе. Воронеж, 1966.
12. Вопросы научного атеизма. 1971. Вып. 11.
13. *Воробьев П. Г.* Атеистическое воспитание учащихся при изучении русских дореволюционных писателей // Литература в школе. 1955. № 1. С. 36–46.
14. *Дулуман Е. К., Лобовик Б. А., Танчер В. К.* Современный верующий. М., 1970.
15. *Евдокимов Н. С.* Грешница. М., 1961.
16. *Елфимов В. Ф.* О причинах и условиях существования религиозных пережитков в СССР. Вологда, 1971.
17. *Зерцанинов А. А., Райхин Д. Я.* Русская литература. Учебник для средней школы. М., 1965. С. 209.
18. *Зерцанинов А. А., Райхин Д. Я., Стражев В. И.* Русская литература: Учебник для IX класса сред. школы. М., 1951. С. 367.
19. *Клибанов А. И.* 50 лет научного исследования религиозного сектантства // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 4. С. 349–394.
20. *Клибанов А. И.* Современное сектантство в Липецкой области: По материалам экспедиций Ин-та истории АН СССР в 1960 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. Сб. 10. С. 157–185.
21. *Клибанов А. И.* Современное сектантство в Тамбовской области: По материалам экспедиции Ин-та истории АН СССР в 1959 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. Сб. 8. С. 59–100.
22. *Клибанов А. И., Митрохин Л. Н.* Кризисные явления в современном баптизме. М., 1967.
23. Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967.
24. *Коновалов Б. Н.* Разработка теории атеистического воспитания в советской литературе (1967–1977 гг.) // Вопросы научного атеизма. 1978. Вып. 22. С. 254–266.
25. *Кривин Ф.* Божественные истории. М., 1965.
26. Критика религиозной психологии и формирование атеистического мировоззрения. К., 1973.
27. *Крушинский С.* Глухой стон на краю села Глазатова // Наука и религия. 1959. № 1. С. 56–58.
28. *Кулик А.* Белый голубь // Наука и религия. 1959. № 1. С. 55–59.
29. *Левада Ю. А.* Социальная природа религии М., 1965.
30. *Луценко Ф. И.* Атеистическое воспитание при изучении художественной литературы // Вопросы атеистического воспитания... С. 53–65.
31. *Макаров А.* Паутина. М., 1963.
32. Михаил Архангел из села Тодорешты // Наука и религия. 1959. № 2. С. 49–51.
33. Нравственность и религия. М., 1964.
34. *Павлюк В. В.* Психология современных верующих и атеистическое воспитание. Львов, 1976.
35. *Платонов К. К.* Психология религии. М., 1967.
36. *Плечев Г. Н.* Социальная основа преодоления религиозности. Чебоксары, 1972.
37. *Поляк И. С.* Об этом надо говорить // Литература в школе. 1959. № 5. С. 85–87.

